



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Владивостокский государственный университет (ВВГУ)

НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ

Сборник материалов международного форума молодых ученых

(г. Владивосток, 24–26 ноября 2022 г.)

Под общей редакцией
канд. пед. наук Г.В. Петрук, канд. соц. наук Е.Е. Абросимовой

Владивосток
Издательство ВВГУ
2022

УДК 001.8
ББК 72.5я431
Н34

Н34 Наука без границ : сборник материалов международного форума молодых ученых (г. Владивосток, 24–26 ноября 2022 г.) / под общ. ред. канд. пед. наук Г.В. Петрук, канд. соц. наук Е.Е. Абросимовой ; Владивостокский государственный университет ; Электрон. текст. дан. (1 файл: 32,5 Мб). – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2022. – 1 электрон., опт. диск (CD-ROM). – Систем. Требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 500 МГц; 512 Мб оперативной памяти; видеокарта SVGA, 1280×1024 High Color (32 bit); 5 Мб свободного дискового пространства; операц. система Windows XP и выше; Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог.

ISBN 978-5-9736-0688-6; DOI: <https://doi.org/10.24866-0688-6-2022>

В сборнике представлены доклады по основным направлениям работы международного форума молодых ученых «Наука без границ», состоявшегося во Владивостокском государственном университете 24–26 ноября 2022 года в рамках реализации в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

Для аспирантов, ученых, представителей власти и бизнеса.

УДК 001.8
ББК 72.5я431

Электронное научное издание

Минимальные системные требования:

Компьютер: Pentium 3 и выше, 500 МГц; 5,6 Мб; 5 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA, 1280×1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM. Операционная система: Windows XP/7/8.

Программное обеспечение: Internet Explorer 8 и выше или другой браузер; Acrobat Reader, Foxit Reader либо любой другой их аналог.

ISBN 978-5-9736-0684-8\$ DOI: <https://doi.org/10.24866-0688-6-2022>

© Под общ. ред. канд. пед. наук Г.В. Петрук, канд. соц. наук Е.Е. Абросимовой, 2022

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», оформление, издание, 2022

В авторской редакции
Компьютерная верстка М.А. Портновой
Владивостокский государственный университет

690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
Тел./факс: (423)240-40-54
Подписано к использованию 20.12.2022 г.

Объем 32,5 Мб. Усл.-печ. л. 55,21.
Уч.-изд.л. 50,08. Тираж 300 (I–25) экз.

<i>Ягафарова Э.У.</i> Восприятие студентами цифровизации образования в высшем учебном заведении	332
XV. Современные технологии и инновации в экономике и управлении	
<i>Абатурова К.С., Вертинова А.А.</i> Анализ инфляционных процессов в субъектах ДФО	336
<i>Ашихмин А.Г., Ким А.Г.</i> Оптимизация деятельности предприятия на основе внедрения Internet- технологий	339
<i>Ганник Д.В., Смицких К.В.</i> Систематизация региональных факторов, влияющих на развитие предпринимательской экосистемы	344
<i>Ермаков М.М., Вертинова А.А.</i> Региональное цифровое неравенство: пути решения	348
<i>Железнякова А.Д., Гусева Ж.Ж.</i> Инновации в управление персоналом	351
<i>Колчанова Е.С., Титова Н.Ю.</i> Анализ различий принципов устойчивого развития и бухгалтерского учета в отчетах российских нефтегазовых компаний	355
<i>Макогонова П.В., Кошелева А.И., Вертинова А.А.</i> Анализ мотивов поступления абитуриентов на экономические и управленческие специальности	359
<i>Пичуева Я.Д., Титова Н.Ю.</i> Стратегия устойчивого развития университетов	362
<i>Садовская Л.Е., Пашур Н.Р.</i> Анализ цифровизации экономики Приморского края: теоретический аспект	367
<i>Солдатова Л.С., Вертинова А.А.</i> Цифровая экосистема: сущность и специфика прорывной бизнес- модели	370
<i>Тубольцева В.А., Пашук Н.Р.</i> Выбор стиля руководства и модели мотивации как фактор развития системы управления карьерой	374
<i>Шемякина Е.Р., Титова Н.Ю.</i> Классификация рисков устойчивого развития нефтегазовых компаний Российской Федерации	379
<i>Шилова А.Ю., Варкулевич Т.В.</i> Анализ возможности применения Big Data в бизнесе	383
XVI. Социальные и политические процессы в цифровом обществе	
<i>Гончар Д.С.</i> Угрозы международной безопасности в контексте афганского кризиса	387
<i>Животова Д.А.</i> Сигнификативная особенность туризма в национальном социокультурном пространстве Дальнего Востока: роль цифровых технологий	391
<i>Никитенко Н.В., Лукьянченко С.А., Гриванов Р.И.</i> Особенности индустрии «мозговых центров» стран Азии	394
<i>Никитенко Н.В., Лукьянченко С.А., Сергеев В.А., Гриванов Р.И.</i> Цифровое общество – новый формат социальной реальности: новые международные структуры, процессы и тенденции развития	401
<i>Тьер Е.О., Гриванов Р.И.</i> Челноки как феномен трансграничного сотрудничества регионов России с зарубежьем в конце XX – начале XXI вв.	405
XVII. Теория и история государства	
<i>Кузнецов А.А., Грудиния А.П.</i> Зарождение института президентства в СССР	410
<i>Ленда А.В.</i> От лидерства к гегемонии: Америка 1960–1980-х гг.	412
XVIII. Транспортные системы, технологии и инфраструктура для пространственного развития территорий	
<i>Лазин Н.В., Ким Ен Сун.</i> Эффективность применения резиновой крошки автошин путём введения её в битумный слой дорожных покрытий	415
<i>Ненашев А.В., Денисова Я.В.</i> Перспективы использования ультразвукового воздействия на водонефтяные эмульсии	420
<i>Шевцов В.А., Литвиненко А.В., Гринберг Е.В.</i> Использование кормов российского производства в условиях импортозамещения при подращивании молоди тихоокеанских лососей	423
XIX. Физическая культура спорт и здоровье, концепции, инновации, технологии	
<i>Талочкина В.А.</i> Особенности содержания занятий скандинавской ходьбой направленных на психоэмоциональную сферу школьников младших классов	430
XX. Юридические и экономические факторы устойчивого развития	
<i>Барышева В.О., Вронская М.В.</i> Генная инженерия как объект гражданско-правового регулирования	434

курсии для виртуального перемещения в тот или иной субъект. Также ежегодно в начале осени во Владивостоке проводится международный кинофестиваль «Меридианы Тихого», в котором принимают участие более шестидесяти стран Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки и побережья Тихого океана. Данное событие также может стать механизмом по привлечению туристов также с помощью иммерсивного путешествия или, возможно, перемещения в ту или иную кинокартину, которая представлена на фестивале.

Таким образом, туризм является одной из отраслей, которые оказывают значимое влияние на развитие Дальнего Востока. На данный момент разрабатывается большое количество планов мероприятий по поводу дальнейшего развития этой отрасли в регионе. Руководитель проектного офиса ООО «ПроГород», Ксения Титова, сообщает: «...будут подготовлены предложения по совершенствованию нормативной базы в области туризма, особо охраняемых природных территорий и культурного наследия на региональном и федеральном уровне. Дополнительно будут даны предложения по внесению изменений в региональную градостроительную документацию.» Согласно базовому сценарию данного проекта к 2035 году турпоток в три региона Дальнего Востока, в числе готовых находится Приморский край, планируется увеличить в два раза, то есть до 6,68 млн. поездок в год. Проект был разработан по заказу Ростуризма. Привлечение туристов будет действительно эффективным, если внимание региона будет уделяться детально на постоянной основе и будет касаться не только центральных городов, но и труднодоступных районов Дальнего Востока. Цифровизация туризма, в свою очередь, поспособствует ускорению данного процесса [8].

1. Ван Тин. Туризм как способ межкультурного взаимодействия в условиях глобализации. – Текст: электронный // Все о туризме. – 2016. – №6. – С. 75-79. – URL: https://tourlib.net/statti_tourism/van-tin.htm (дата обращения: 02.11.2022)

2. Алексеева О. Приморье в ТОП-10 национального туристического рейтинга 2021 // Prim-travel.ru. – 2011. – 11 января. – URL: <https://prim-travel.ru/2022/01/primore-v-top-10-nacionalnogo-turisticheskogo-rejtinga-2021/> (дата обращения: 07.11.2022)

3. Лехтянская Л.В., Римская Т.Г. Туризм – одно из приоритетных направлений экономического развития Дальнего Востока. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-odno-iz-prioritetnyh-napravleniy-ekonomicheskogo-razvitiya-dalnego-vostoka/viewer> (дата обращения: 07.11.2022)

4. Мещеряков А. Как понять Японию // Arzamas.academy. – 2015. – 2 июля. – URL: <https://arzamas.academy/courses/21/2> (дата обращения: 07.11.2022)

5. Кокорин А. Легенды Пидана // ЮНПРЕСС. – 2016. – 22 августа. – URL: <https://ynpress.com/archives/28818> (дата обращения: 08.11.2022)

6. Мегалиты Приморья: гора Пидан (часть 1) // Мир тайн. – 2017. – 26 ноября. – URL: <https://mirtayn.ru/megality-primorya-gora-pidan-chast-1/> (дата обращения: 08.11.2022)

7. Кравцовские водопады. – Текст: электронный // Shamora.info: [сайт]. – URL: <http://shamora.info/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%86%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D1%8B/> (дата обращения: 08.11.2022)

8. Турпоток на Дальний Восток к 2035 году планируется увеличить вдвое // Tourism: [сайт]. – URL: https://tourism.interfax.ru/ru/analytics/market_overview/92503/ (дата обращения: 09.11.2022).

УДК 327.7

ОСОБЕННОСТИ ИНДУСТРИИ «МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ» СТРАН АЗИИ

Н.В. Никитенко, С.А. Лукьянченко

бакалавры

Р.И. Гриванов

канд. полит. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия*

Объектом исследования выступают аналитические центры как особые компоненты разработки государственных и частных стратегических решений. Предметом исследования являются отличительные черты и преимущества азиатских «мозговых центров». Цель данной работы состоит в оценке текущего состояния аналитической индустрии стран Азии и его сравнения с российской моделью.

Ключевые слова: мозговые центры, Азия, влияние, международный, правительство, экспертно-аналитические организации.

FEATURES OF THE ASIAN THINK TANK INDUSTRY

The object of the study is analytical centers as special components of the development of public and private strategic decisions. The subject of the study is the distinctive features and advantages of Asian "think tanks". The purpose of this work is to assess the current state of the analytical industry in Asia and compare it with the Russian model

Keywords: think tanks, Asia, influence, international, government, expert and analytical organizations.

Аналитические центры в политической системе КНР. Для изучения опыта стран Азии в развитии экспертной среды и «мозговых центров» предлагается рассмотреть кейсы ведущих региональных держав – Китая и Японии.

Китайские «фабрики мысли» на сегодняшний день занимают особое место в глобальной конфигурации экспертного пространства, причем данный тренд является сравнительно молодым, он насчитывает чуть более десяти лет. В ретроспективном отношении Китай перенял моду на формирование провластных аналитических структур у Советского Союза – как и в последнем, первые «мозговые центры» появляются в КНР в конце 1950-х гг. Е.А. Куклина делит историю их развития на три этапа [1, с.42]:

1 этап (1956–1966 гг.) – учреждаются аналитические центры «советского» типа. Они отличаются ярко выраженной идеологической ангажированностью, построены по иерархическому принципу, входят в состав министерств и призваны обслуживать политику правительства.

2 этап (1976–1989 гг.) – в системе правительственных «мозговых центров» появляются полуофициальные организации, которые формально встроены в структуру правительства, но обладают большей автономией и влиянием на процесс принятия решения. Такие учреждения занимались в основном экономическими вопросами.

3 этап (1989–2011 гг.) – наблюдается взрывной рост числа «мозговых центров» при гражданских объединениях (квази-правительственные) и академических учреждениях. Формально не входя в структуру правительства, они контролируются органами власти и Компартией.

После 2011 г. в КНР началась масштабная реорганизация «мозговых центров», причина которой однозначна – старые учреждения демонстрировали низкую эффективность, зачастую существовали формально и какой-либо значимой роли в выработке стратегий не играли. Суть их проблемного состояния заключалась в наличии истоков из университетской и академической среды – центры не имели практического опыта в политике и управлении, не могли получить его в своем информационном пространстве, а потому занимались в основном теоретизированием и абстрактными исследованиями [8, с. 12]. В 2013 г. с подачи председателя КНР Си Цзиньпина на государственном уровне произошло переосмысление роли и места «мозговых центров» в стране, был взят курс на создание «аналитических центров нового типа» с китайскими характеристиками. На первом этапе была сформирована новая типология аналитических организаций, призванная обособить модернизацию сети «интеллектуального обслуживания»:

Партийные, военные и правительственные центры – выступают структурными подразделениями профильных министерств и предоставляют аналитические и консультационные услуги по разработке решений для руководителей на всех уровнях внутри партии, правительства и вооруженных сил. В качестве примера можно привести Центр исследований развития Госсовета КНР и Китайский исследовательский институт современных международных отношений.

Организации социальных наук – подобные центры отличаются высокой степенью идеологической выраженности (тех самых «китайских характеристик»). Могут быть де-юре независимыми, формально подчиняются правительственной повестке и осуществляют идеологическую информационную работу в ее русле. Примерами выступают Китайская академия общественных наук и Центр Китая и глобализации.

Университетские аналитические центры – как и ранее, такие организации учреждаются при университетах и академических институтах или совместно с ними. Аффилированность с образовательными организациями позволяет этим «мозговым центрам» проявлять большую гибкость в поиске талантливых кадров, проведении разнонаправленных и комплексных исследований. Примеры университетских аналитических центров – Шанхайский институт международных исследований и Институт финансовых исследований «Чуньян».

Общественные «мозговые центры» – представляют собой частные центры, которые получают финансирование из средств неправительственных организаций или частных лиц. В сферу исследо-

ваний входят как насущные общественно-политические проблемы, так и частные инициативы. В качестве примера выступает Фонд «Наш Гонконг».

В соответствии с масштабным планом реформирования аналитической отрасли страны, руководство Китая определило пять первостепенных функций обновленных центров, к которым относятся [9, с.75]:

1. Публичная дипломатия – поскольку национальные «мозговые центры» являются коммуникационными инструментами общественной политики Китая, они должны рассматривать иностранных партнеров в том числе в качестве целевой аудитории и выстраивать конструктивные и позитивные отношения в виде обмена опытом, информацией и иным сотрудничеством. Правильное представление достижений китайских экспертов не только улучшает имидж искомого центра, но и дает иностранным коллегам представление о роли, которую «мозговой центр» играет в политическом развитии Китая.

2. Политический консалтинг – целью китайских «фабрик мысли» должна быть не только подготовка политических решений для внутреннего пользования, но экспорт за рубеж предлагаемых ими идей.

3. Теоретические инновации – для грамотной практической реализации экспертных решений и рекомендаций от «мозговых центров» необходимо постоянное наращивание и усовершенствование теоретического базиса.

4. Руководство общественным мнением – результаты деятельности аналитических центров должны не только повышать имидж КНР в мире, но доносить до зарубежной аудитории ценность и значимость китайской модели развития. Можно опосредованно связать данную функцию с внешней идеологической работой Китая.

5. Социальные услуги – как и в традиционной модели, все решения и продукты, производимые «мозговыми центрами», должны быть направлены на улучшение общественного блага.

В чем же заключается отличие «аналитических центров нового типа» в Китае от их американских или европейских аналогов? Политолог К.Р. Матыгулина приводит ряд характерных особенностей [10]:

1. Прежде всего, не стоит забывать о важности идеологического компонента, влияющего на аналитическую составляющую работы китайских «мозговых центров». При наличии относительной свободы при найме постоянных сотрудников и привлечении сторонних экспертов имеют место быть ограничения по тематикам исследований, особенно если они касаются чувствительных для китайского правительства вопросов. Аналогичным образом можно оценить возможность выражать экспертные позиции – не допускаются к распространению мнения, противоречащие официальной линии КПК или правительственных органов.

2. Степень практического влияния деятельности аналитического центра зависит от близости расположения к людям, которые непосредственно принимают ключевые решения. С одной стороны, это существенно ограничивает возможности организаций, которые ограничены или вовсе не имеют выходов на ключевых лиц в правительстве. С другой, при наличии таких возможностей вероятность имплементации рекомендаций в политику государства возрастает многократно, что качественно отличает китайскую модель от зарубежных. В этом контексте нередко практика, когда китайские дипломаты, закончившие службу в государственных органах, впоследствии трудоустраиваются (или переманиваются) в «мозговые центры», чтобы обеспечить им дополнительные каналы влияния.

3. Любой аналитический центр связан с правительством. В КНР отсутствуют полностью независимые аналитические структуры, не имеющие никакого отношения к государственному аппарату. Этот факт приводит к общему с российской практикой недостатку, когда подавляющая доля «фабрик мысли» так или иначе работает исключительно в интересах государства, что мешает им диверсифицировать области научных изысканий (например, выходить за рамки международных отношений).

4. Рынок экспертных услуг в Китае является закрытым и отличается низким уровнем конкуренции, поскольку все «мозговые центры» имеют свою выделенную нишу. Эта особенность также отличается дуализмом: с одной стороны, услуги данного центра будут всегда востребованы (при условии стабильного ведения деятельности и демонстрации своей эффективности для вышестоящих лиц), с другой – понижается конкуренция между разными учреждениями, что негативно сказывается на качестве и объективности генерируемых ими аналитических продуктов.

5. Китайские аналитические центры имеют возможность использовать формальные каналы для привлечения внимания своей аудитории к деятельности. Тем не менее, отличием от западной практики служит то, что в большей степени аналитические продукты ведущих «мозговых центров» КНР ориентированы на внутреннее использование либо на политических лидеров, поэтому в открытом доступе их найти сложнее.

6. «Фабрики мысли» Китая не занимаются выполнением каких-либо побочных функций, не относящихся к их прямому функционалу – они не оказывают образовательных услуг и не выдают дипломов, даже аффилированные с университетами.

7. Наконец, общей чертой как «мозговых центров», так и государственной структурой КНР является высокая степень непрозрачности финансирования и деятельности большинства из учреждений. Это существенно осложняет проведение исследовательского анализа в отношении китайского экспертного пространства.

Таким образом, китайский подход к аналитическим структурам кардинально отличается как от традиционного западного, так и от российского. По характерным чертам можно предположить, что Пекин сделал ставку на развитие полностью подконтрольных центров. Несмотря на такой радикализм, Китай демонстрирует высокие количественные показатели в отношении национальной сети «мозговых центров». Статистические данные указаны на рис. 3 [3, с. 31; 4, с. 27; 5, с. 37; 6, с. 36; 7, с. 42; 2, с. 44].

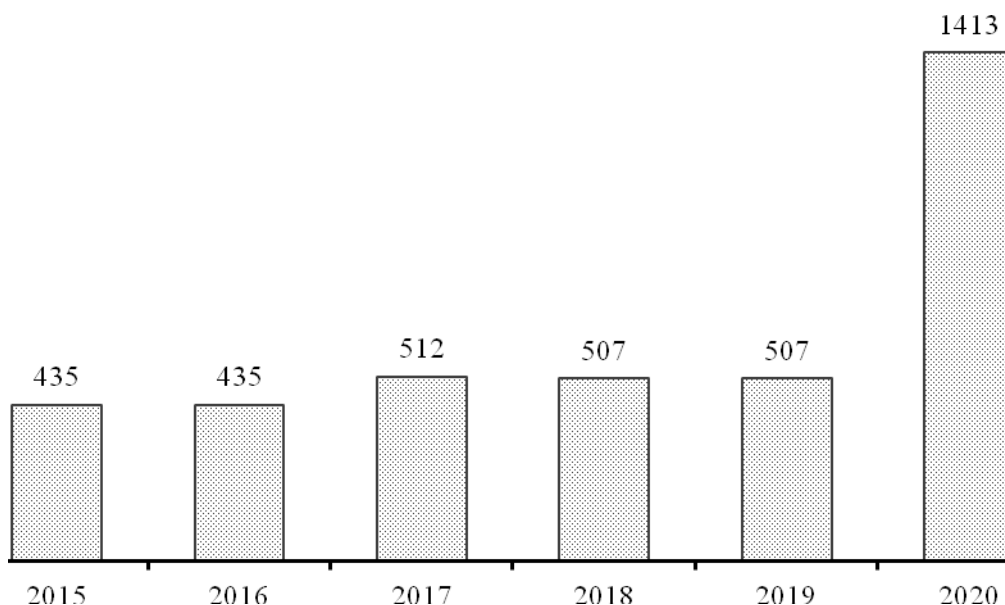


Рис. 3. Численность аналитических центров в Китае (2015–2020 гг.)

В соответствии с приведенными данными можно отметить, что Поднебесная стабильно работает и над количеством, и над качеством своего экспертного поля. Резкий рост 2019-2020 гг. связан с постепенной реализацией плана по модернизации национальных «мозговых центров». Важным имиджевым преимуществом выступает тот факт, что на протяжении последних лет в мировых рейтингах аналитических центров Китай стабильно удерживает второе место, уступая только США.

Впрочем, даже на текущем этапе китайские «мозговые центры» не лишены недостатков. К началу 2021 г. актуальной вновь стала проблема их эффективности в агрессивных международных условиях. Неповоротные и консервативные государственные структуры, следуя старой академической традиции, стали больше вкладываться в формализм, теоретический характер и гонку за количество, чем в прагматичность формулируемых решений и их актуальность. Кроме того, А. Маслов полагает, что слабостью международного позиционирования китайских экспертных центров является «неспособность официального Пекина разъяснить свою политику: те формулировки политических заявлений и инициатив, которые являются вполне очевидными для населения КНР, воспринимаются как излишне идеологизированный или декларативный нарратив во внешнем мире» [8]. Для исправления этих пробелов китайское правительство планирует диверсифицировать нынешние «мозговые центры» и уделить больше внимания неправительственным экспертным организациям.

Японская практика «мозговых центров». Опыт Японии в создании своего национального аналитического базиса, в отличие от КНР и в определенной степени от Индии, был вдохновлен примерами США и Великобритании, учитывая сильное американское влияние на общественную и политическую жизнь после Второй мировой войны. В ретроспективном плане эксперты склоняют-

ся к утверждению, что наследие японской традиционной траектории развития государственности определила первостепенное значение могущественного бюрократического аппарата как основного хранилища политических идей, что препятствовало формированию института аналитической мысли в стране. С постепенным расширением роли экспертного сектора, связанным с приобретением опыта в международных делах, на первое место вышло утверждением о том, что мощная бюрократия допустила создание «мозговых центров», но по итогу взяла под контроль малое число слабых, но потенциально влиятельных аналитических центров, которые сосредоточили свое внимание исключительно на вопросах мировой политики и международной безопасности [11, с.5].

Принимая во внимание разрозненность научных исследований в отношении исторического развития аналитических центров Японии, можно условно выделить несколько этапов их становления к современному виду [12]:

1960–1970-е гг. – появление и бурный рост числа первых «мозговых центров». Внутриполитическое господство Либерально-демократической партии (ЛДП) после окончания Второй мировой войны, более известное как «система 1955 года», и последующее отсутствие двухпартийной политики, стали залогом того, что в ранние периоды сторонние аналитические организации не представляли какого-либо значимого потенциала и влияния на процесс принятия решений. Ведущей экспертной силой выступало правительство, которое функционировало без реальной политической оппозиции. Это определяло отсутствие характерных для Запада независимых институтов публичной политики в Японии. В то время основная функция ранних японских «фабрик мысли» заключалась в том, чтобы обосновывать национальное «экономическое чудо» и способствовать развитию догоняющего капитализма, уделяя при этом мало внимания вопросам безопасности или участию Японии в международном деле.

Конец 1980-х – конец 1990-х гг. – в это время ученые наблюдают три точки увеличения числа муниципальных и местных «мозговых центров» (конец 1990-х гг., начало 1990-х гг., конец 1990-х гг.). Данный тренд они связывают с государственной политикой децентрализации, которая полностью раскрылась в 2000 г. с принятием соответствующего закона. Данный факт привел к бюрократически диктуемым отношениям иллюзорного равенства между центральной государственной администрацией и местными органами власти, отношениям, которые вынудили резко перейти к самоуправлению для органов местного самоуправления. Становилось все более очевидным, что в ситуации после децентрализации местным органам власти придется более активно вкладываться в разработку инструментов муниципального управления, что привело к созданию профильных местных аналитических центров, ориентированных на вопросы государственного управления. Основными видами деятельности для местных «мозговых центров» выступали «независимое исследование и анализ», что объяснялось попытками муниципалитетов идентифицировать собственные управленческие потребности и адекватно реагировать на неразбериху в местном самоуправлении.

Современные «фабрики мысли» Японии неотделимы от послевоенного экономического роста страны и философии управления. Несмотря на воздействие так называемого «железного треугольника», состоящего из бюрократии, политиков и частного бизнеса, некогда маргинальный сектор аналитических центров в последнее время играет все более важную роль в политических дебатах не только в сфере обороны и иностранных дел, но и во внутренних делах и социальной политике. Имеются также свидетельства растущей конкуренции между аналитическими центрами, где они делят между собой спектр политических идей, а также уделяют внимание экономическим и управленческим вопросам локального характера. Японские региональные «мозговые центры» одновременно соответствуют традиционной модели аналитических центров и одновременно предлагают новые области для внедрения инноваций [13, с.600].

Классификацию «мозговых центров» Японии, в понимании К.Р. Вода, можно представить следующим образом [14, с.8]:

1. Аффилированные с правительственными структурами – данные «мозговые центры» находятся в ведении правительства Японии либо профильных министерств, получают государственное финансирование. Их основная деятельность заключается в анализе внутри- и внешнеполитической ситуации, подготовке рекомендаций и планов действий в отношении соответствующих проблем. Примерами таких институций выступают Национальный институт оборонных исследований (относится к Министерству обороны) или Национальный институт народонаселения и социального обеспечения (подведомственное учреждение Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения).

2. Аффилированные с частным сектором – аналитические центры такого типа сотрудничают с корпоративными структурами и проводят исследования на основе предпринимательских запросов. В качестве примера выступают Исследовательский институт Дайва и Институт жизни и быта Хакуходо.

Исследовательница также выделяет дихотомию «коммерческих-некоммерческих» аналитических центров, и ко второй категории относит:

- муниципальные;
- фонды или зарегистрированные в виде некоммерческих организаций;
- академические институты;
- финансовые институты;
- аффилированные с политическими партиями.

Кроме того, в соответствии с обозначенной выше важностью муниципальных аналитических центров для управленческой и политической экспертизы, К.Р. Вода выделяет четыре типа муниципальных «мозговых центров»:

- аналитические центры широкого спектра (занимаются комплексными исследованиями в нескольких сферах);
- узкоспециализированные аналитические центры (спектр деятельности ограничивается одним-двумя направлениями);
- дочерний фонд или ассоциация (является структурным подразделением более крупной организации);
- аффилированный с компанией или университетом (создается в рамках указанных институций для проведения актуальных для них исследований).

Подобная разветвленная типология указывает на комплексность и дублирование организационной формы и деятельности аналитических центров. Существуют четкие различия, такие как коммерческий статус, выбор деятельности между провластным вектором и частными исследованиями, а также организационные ограничения и степень объективности и (не)ангажированности, которые так или иначе конструируют имидж фондов, экспертов и «мозговых центров» в целом. Тем не менее, малые аналитические центры действительно существуют и проводят независимые исследования, несмотря на отсутствие таких фундаментальных преимуществ, как финансирование, связи, доступ к данным, персонал и престиж. Ярким подтверждением этого тезиса является Региональный совет аналитических центров, который состоит из 53 организаций-членов и включает в среднем по одному «мозговому центру» на префектуру [15, с. 14]. Подобное региональное распределение аналитических центров сбалансировано как географически, так и по форме между акционерными обществами, фондами общественных интересов и обычными фондами.

Что касается количественных показателей, Япония выбрала курс на постепенное расширение сети экспертных структур без явного выражения амбиций к лидерству в региональном и международном аналитическом поле. Количественное распределение представлено на рис. 5 [3, с. 31; 4, с. 27; 5, с. 37; 6, с. 36; 7, с. 42; 2, с. 44].

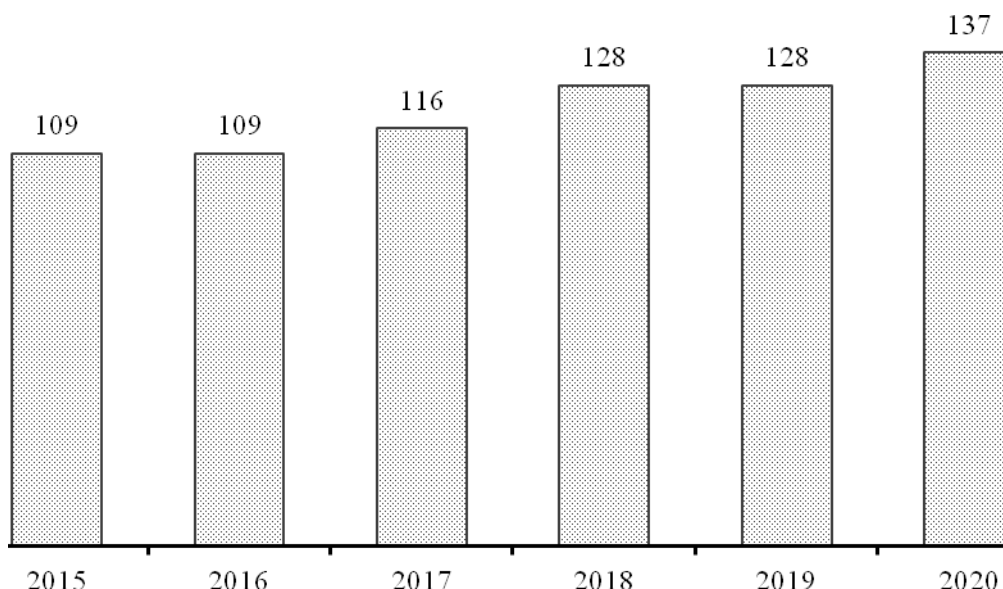


Рис. 5. Численность аналитических центров в Японии (2015–2020 гг.)

Высказанный выше тезис подтверждается и распределением мест в глобальном рейтинге – несмотря на то, что за шесть лет число «мозговых центров» в Японии выросло примерно на четверть, в сравнении с другими странами Япония спустилась с 9-го на 13-е место.

Напоследок стоит затронуть вопрос существующих в индустрии сложностей. Сравнительно небольшое количество материальных результатов экспертной работы и тенденция к дублированию предлагаемых тезисов заставляет некоторых критиков сомневаться в фактической необходимости наличия столь разветвленной сети экспертных структур. Несмотря на успешное создание ограниченного числа независимых аналитических центров, им не удалось достичь уровня внутреннего и международного влияния, которым пользуются их коллеги в США и Европе. В то время как другие страны активно пытаются расширить возможности своих «фабрик мысли», Япония, наоборот, переживает спад, что выражается в урезании финансирования и государственных субсидий на их функционирование. Еще одной ключевой проблемой, которую часто упускают из виду, является нехватка квалифицированных кадров. Тем самым, отрасль экспертной мысли в Японии переживает сейчас непростые времена. *erg*

Заключение. На сегодняшний день стал очевиден тот факт, что стратегия усиления национального влияния в региональном и глобальном масштабе требует не только политических амбиций, экономических и военных ресурсов – без высококачественной аналитики и интеллектуальных ресурсов, которые обеспечивают объективную оценку перспектив и возможностей, конкурентная борьба с другими державами априори является провальной. Это говорит в пользу вектора на развитие государством сети «мозговых центров» – специализированных учреждений, которые и занимаются информационным обеспечением политических, экономических, военных и социальных решений, оказывающих влияние на общественную жизнь.

Приведенные в исследовании классификации организационных форм и направлений работы позволяют утверждать о возможности выбора комплексной и гибкой стратегии при развитии собственной индустрии «экспертной мысли».

Предполагается, что исследование опыта азиатских стран позволит выявить пути улучшения текущей ситуации.

Китайская модель «мозговых центров» прошла долгий исторический путь, и в современном состоянии ее отличает ряд аспектов, среди которых можно выделить сильную идеологическую наклонность (в особенности институтов, тесно связанных с властью), получение обширной государственной поддержки для аффилированных с правительством организаций, использование административных ресурсов для повышения репрезентативности деятельности «мозговых центров», высокая степень непрозрачности финансовой и функциональной составляющей, ориентация как на внутренние потребности, так и на международное позиционирование, низкий уровень конкуренции местного рынка аналитических продуктов. Среди недостатков наиболее насущными являются сомнительная эффективность и акцент на теоретических, а не практических исследованиях, трудности понятной коммуникации китайских принципов международному сообществу.

Японские «фабрики мысли» выгодно отличаются разветвленностью структуры и форм осуществления деятельности; несмотря на неспешные темпы развития индустрии, в Японии существует полноценная сеть местных «мозговых центров», что подразумевает наличие конкурентного поля аналитических услуг. К слабым сторонам японских «мозговых центров» можно отнести сравнительно невысокую эффективность существующего массива организаций, из-за чего их влияние в международном пространстве остается незначительным. В Японии существует проблема недостаточного финансирования и профессионального кадрового обеспечения отрасли.

Учитывая текущие тенденции в развитии российского общества, авторы настоящей работы считают, что главным ориентиром для улучшения состояния искомой отрасли должен стать Китай, поскольку общие черты государственного управления (усиление контроля со стороны властей, рост идеологического влияния, пристальный мониторинг информационного поля) дают для России схожие с КНР предпосылки для проведения институциональных реформ в отношении «мозговых центров».

1. Куклина Е.А. Мозговые центры в России и КНР: история создания, оценка современного состояния и перспективы сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1. – С. 36-46.

2. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 375 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks (дата обращения: 01.06.2022).

3. McGann J. 2015 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 172 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks (дата обращения: 02.06.2022).

4. McGann J. 2016 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 171 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=think_tanks (дата обращения: 02.06.2022).
5. McGann J. 2017 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 208 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1012&context=think_tanks (дата обращения: 02.06.2022).
6. McGann J. 2018 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 266 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks (дата обращения: 02.06.2022).
7. McGann J. 2019 Global Go To Think Tank Index Report // University of Pennsylvania Database. – 274 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks (дата обращения: 02.06.2022).
8. Маслов А.А. Трансформация аналитических центров как элемента «мягкой силы» Китая в 2010–2020 гг. // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2021. – Т. 14. № 4. – С. 6-22.
9. Комиссина И.Н. Новые «мозговые центры» с китайской спецификой: проблемы и перспективы развития // *Проблемы национальной стратегии.* – 2017. – № 6(45). – С. 68-82.
10. Матыгулина К.Р. «Мозговые центры» внешней политики КНР // *Современные научные исследования и инновации.* – 2016. – № 1. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/01/62671> (дата обращения: 03.06.2022).
11. Rausch A. Japan's Regional Think Tanks: A Hidden Sector of Significant (Research) Potential // *The Electronic Journal of Contemporary Japanese Studies.* – 2020. – Vol. 20. № 3. – P. 1-14.
12. Stanislaus W.A. Seeking an Independent Voice: Japanese Think Tanks // *Global Asia.* – 2018. – URL: https://www.globalasia.org/v10no1/focus/seeking-an-independent-voice-japanese-think-tanks_warren-a-stanislaus (дата обращения: 04.06.2022).
13. Abb P., Koellner P. Foreign policy think tanks in China and Japan: Characteristics, current profile, and the case of collective self-defence // *International Journal.* – 2017. Vol. 70. № 4. – P. 593-612.
14. Вода К.Р. Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику // *Сравнительная политика.* – 2018. – Т. 9. № 3. – С. 5-13.
15. Köllner P. Understanding the Development of Think Tanks in Mainland China, Taiwan, and Japan: An Introduction to the Special Issue / P. Köllner, X. Zhu, P. Abb // *Pacific Affairs.* – 2018. – Vol. 91. № 1. – P. 1-25.

УДК 327.83 + 321.02 + 004.5

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО – НОВЫЙ ФОРМАТ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: НОВЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРУКТУРЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Н.В. Никитенко, С.А. Лукьянченко, В.А. Сергеев
бакалавры

Р.И. Гриванов

канд. экон. наук, доцент

*Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия*

Объектом исследования является концепция цифрового общества, представляющего из себя качественно новый этап глобальной социальной-экономической и политической жизни. Предметом исследования выступают особенности и тенденции практического развития данной концепции. Цель данной работы состоит в выявлении ключевых проблемных зон и перспектив внедрения черт цифрового общества в текущую социополитическую конфигурацию мира, а также в определении места России в данной модели.

***Ключевые слова:** цифровое общество, технологии, цифровизация, международные институты, тенденции развития.*

DIGITAL SOCIETY – A NEW FORMAT OF SOCIAL REALITY: NEW INTERNATIONAL STRUCTURES, PROCESSES AND DEVELOPMENT TRENDS